

МАХАБХАРАТА

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ

ДОПОЛНЕНИЕ

ФРАГМЕНТ «ПЛАЧА ГАНДХАРИ»

(главы 16 — 17)

в переводе Н. В. Лобановой

Публикация В. К. Афанасьевой и Я. В. Василькова

ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Нина Владиславовна Лобанова (1904 — 1976) родилась в Санкт-Петербурге, в семье педагога и ученого, исследователя античной культуры Владислава Романовича Лобанова (1881 — 1943). Семья жила в Люблине и Бежице, где В. Р. Лобанов преподавал в гимназиях. Унаследовав от отца любовь к древности и искусству, Н. В. поступила в 1924 году в созданный В. Я. Брюсовым литературно-художественный Институт Живого Слова (впоследствии — ВЛХИ им. В. Я. Брюсова, Москва), а в 1926-м переехала в Ленинград и стала студенткой Восточного факультета ЛГУ. Здесь ей посчастливилось изучать санскрит и древнеиндийскую литературу под руководством великого русского индолога, академика Ф. И. Щербатского. Занималась Н. В. Лобанова также тамильским языком у основателя российской дравидологии А. М. Мерварта и хинди — у молодого тогда преподавателя А. П. Баранникова (будущего академика). Главной областью интересов оставался, однако, санскрит. На пятом курсе ее отчислили из университета за несданный экзамен по политэкономии, а в 1934 году, после ареста мужа, также студента Восточного факультета, К. А. Афанасьева, Н. В. Лобанова, чудом избежав ареста сама (спасло только ожидание ребенка), отправляется с маленькой дочерью к месту назначенной мужу десятилетней ссылки, в г. Сыктывкар. В ссылке же родилась ее младшая дочь.

Вернувшись после войны в Ленинград, Н. В. возобновила занятия санскритом, и в 1947 году академик А. П. Баранников принял бывшую ученицу на работу на кафедру индийской филологии Восточного факультета ЛГУ, где она и прослужила (в должности сначала — лаборанта, затем — секретаря) вплоть до ухода в 1962 году на пенсию. Плохое здоровье и тяжелые условия жизни не позволили ей реализовать в полной мере свои знания и способности. Ее печатные работы немногочисленны. По ним, однако, можно заключить, что Н. В. Лобанова обладала обширными индологическими познаниями и безошибочной научной интуицией. В этих работах виден отпечаток традиций разгромленной в предвоенные годы петербургско-ленинградской школы классической индологии, единственным, по существу, прямым продолжателем которых осталась Н. В. Лобанова. В свете этого не случайными выглядят ее занятия историей отечественной индологической науки. Она исследовала книжное собрание основателя петербургской индологической школы И. П. Минаева, после его смерти поступившее в университет¹, а в исключительно информативной статье об истории кафедры индийской филологии в ЛГУ² впервые после долгого замалчивания рассказала о трудах репрессированных учеников Ф. И. Щербатского — А. И. Вострикова и М. И. Тубянского, упомянула имя А. М. Мерварта как первого отечественного тамилста. Особой областью исследовательских интересов Н. В. была древнеиндийская теория искусства — *шилпашастра*. Изучение традиционной иконографии привело Н. В. Лобанову к чрезвычайно ценным, поныне остающимся актуальными выводам о многослойности образов индийской мифологии, в которых типологически поздний религиозно-философский уровень интерпретации совмещается с последовательностью более ранних образно-смысловых наслоений, причем древнейшие из них восходят к первобытной архаике³. Последней индологической публикацией Н. В. Лобановой явился комментированный перевод фрагментов из средневековых трактатов по *шилпашастре*⁴.

Но была у Н. В. Лобановой еще одна область интересов в индологии, к сожалению, не нашедшая при ее жизни никакого отражения в печатной продукции. На протяжении многих лет она трудилась над переводами отрывков из санскритских эпических поэм, «Махабхараты» и «Рамаяны», занималась поисками возможностей адекватной передачи древней поэзии средствами современного русского языка. Свои взгляды по проблемам перевода эпоса Н. В. четко сформулировала в 1950 году в отзыве на перевод I книги «Махабхараты», «Адишвары», подготовленный В. И. Кальяновым. Отзыв содержал достаточно резкую, но справедливую критику рецензируемого перевода,

¹ См.: Лобанова Н. В. Книги из Индии. — «Нева», 1955, № 5, с. 184.

² Кафедра индийской филологии. — В кн.: Востоковедение в Ленинградском университете. (Уч. зап. ЛГУ, № 296, серия востоковедческих наук, вып. 13). Л., 1960, с. 79 — 97.

³ Мифологические образы хиндизма в шилпашастрах. — Уч. зап. ЛГУ, № 279, серия востоковедческих наук, вып. 9. Л., 1960, с. 71 — 80.

⁴ Средневековые индийские мастера о скульптуре. Из хиндустских трактатов V — XVI вв. Предисл., пер. и примеч. Н. Лобановой. — В кн.: Мастера искусств об искусстве. Т. I. Средние века. Под ред. А. А. Губера и В. В. Павлова. М., 1965, с. 30 — 58.

на примерах раскрывал некоторые принципиальные его недостатки, такие как антиисторизм в интерпретации ключевых санскритских терминов, тенденция к «чисто механической подстановке слов» при игнорировании контекста и, наконец, ориентация не столько на текст Критического издания, сколько на старый (1883 — 1896) английский перевод К. М. Гангули («Роя»). Чтобы дать объективную оценку рецензируемой работы, от Н. В. требовались большое мужество и принципиальность: ведь тем самым она, скромный лаборант, в недавнем прошлом — жена политического ссыльного, пошла наперекор интересам весьма могущественных в то время внеученных сил. И принципиальность стоила ей дорого: после выступления на кафедре с отзывом (который, разумеется, не был напечатан) пришлось расстаться с мечтой о чтении спецкурса по санскритской поэзии.

Расхождение с В. И. Кальяновым определялось не только принципами интерпретации текста и чтением конкретных мест, но и требованиями, которые предъявляла Н. В. Лобанова к стилистике перевода. По ее мнению, «для поэтических произведений, каким является Махабхарата в целом, сохранение ритмической формы необходимо». Отметим, что речь идет здесь именно о «ритмической», а не о стихотворной форме. Очевидно, ей представлялись в равной мере неудовлетворительными и перевод «Махабхараты» «простой прозой» (В. И. Кальянов), и попытка передавать санскритскую шлоку тем или иным русским стихотворным размером. От последнего должен был предостерегать бывший в то время у всех перед глазами недавний опыт академика А. П. Баранникова, который перевел однообразным размером огромную по объему поэму на средневековом хинди — «Рамаяну» Тулсидаса; перевод подавлял чудовищной монотонностью, быстро утомлял читателя. Об этом, впрочем, в отзыве Н. В. не говорится; воздержавшись от прямой критики учителя, она лишь указывает, что стихотворный перевод остается «идеалом адекватного воспроизведения поэтического памятника», который «практически... не всегда достижим» (прежде всего потому, что исполнитель непременно сам должен быть подлинным поэтом), «и с такой неполноценностью перевода приходится мириться». «Может хорошо звучать и прозаический перевод, если он выполнен художественно, если переводчик ощущает стиль подлинника и стремится его передать. Таковую прозу перевода должно пронизывать воспоминание о стихе оригинала. Даже и в прозаическом переводе Махабхараты читатель должен ощущать исчезнувший стих, должен ощутить чередование стиха и прозы, что встречается в Махабхарате, деление текста на шлоки, как ритмико-синтаксические единицы, наконец, чередование (независимо от стихотворной или прозаической формы выражения) чисто поэтического с прозаическим. Это чередование также характерно для Махабхараты, в которой сами индийцы видели одновременно и *итихасу* (сказание), и *шастроу* (науку). Воспроизведение композиционного деления на шлоки, как синтаксические единицы, упорядочило бы синтаксис перевода и не допустило бы таких длинных путаных предложений, которые в переводе В. И. Кальянова занимают порой полстраницы и создают впечатление тяжеловесности, в то время как шлока Махабхараты полна динамики»¹.

Приведенная цитата свидетельствует о том, что из двух современников, работавших в 1950 — 1960-х гг. над переводом «Махабхараты» (В. И. Кальянов и Б. А. Смирнов), Н. В. Лобановой был ближе по теоретическим установкам работавший в Ашхабаде академик Б. А. Смирнов. По их сохранившейся переписке видно, что Б. А. Смирнов очень высоко ценил замечания и отзывы Н. В. Теперь у читателя будет возможность сравнить перевод глав 16 — 17-й XI книги Мбх в исполнении Н. В. Лобановой (см. ниже) и Б. А. Смирнова (Махабхарата 1972: 136 — 143). При таком сравнении станет очевидным, что и в практической реализации переводческих установок у двух авторов есть много общего. В обоих случаях перевод выполнен ритмизованной прозой, которую «пронизывает воспоминание о стихе оригинала», сохраняется разбивка текста на шлоки как «ритмико-синтаксические единицы». При этом перевод этих глав Н. В. Лобановой, как нам кажется, точнее воспроизводит смысл подлинника и в то же время более совершенен по стилю, более поэтичен.

Авторы переводов «Сауттикапарвы» и «Стрипарвы», образующих настоящий том, С. А. Невелева и Я. В. Васильков, вырабатывали свой метод перевода, не зная о деятельности в этом направлении Н. В. Лобановой, но с учетом опыта Б. А. Смирнова. При том, что время внесло некоторые коррективы², принципы перевода древнеиндийского эпоса, сформулированные и практически реализованные Н. В. Лобановой и Б. А. Смирновым, остаются актуальными. Нынешние переводчики ощущают себя связанными преемственностью именно с той традицией перевода «Махабхараты», которую представляли Н. В. Лобанова и Б. А. Смирнов; публикацией перевода Н. В. Лобановой в качестве приложения к своему труду они хотели бы отдать дань уважения и благодарности памяти предшественников.

¹ Цитаты из отзыва Н. В. Лобановой на работу В. И. Кальянова даны по машинописному экземпляру отзыва, хранящемуся в домашнем архиве ее дочери, В. К. Афанасьевой.

² Например, теперь считается доказанным устно-поэтическое происхождение «Махабхараты» и, следовательно, фольклорный характер эпического стиха; а если так, то перевод индийского эпоса русским литературным стихом не может быть допущен даже в качестве труднодостижимого идеала. Устно-эпический стих по своей поэтике и эстетике в корне отличен от стиха литературного.

[Глава 16]¹.

Видит Гандхари мудрая издали, словно вблизи, поле боя
 мужей-храбрецов, вызывает оно содроганье и страх неземной.

Волосами, костями усыпано, потоками крови затоплено,
 и телам, устилающим землю, не видно конца — их несметные **тысячи!**

Лежат обгаренные кровью останки ратников-воинов, слонов и
 коней, груды тел обезглавленных, груды голов.

Поле битвы, звучавшее голосами людей, конским ржаньем и ревом
слонов,
 пристанищем стало шакалов и воронов, цапель, ворон, журавлей.

Стало потехою ракшасов, поедающих мясо людское.
 И слетелись на поле коршуны, ястребиные стаи собрались, завывали
 шакалы зловещие.

К месту битвы пошли по велению Вьясы: царь Дхритараштра,
 утративший всех сыновей, братья Пандавы, Кришна и женщины
 племени Куру.

Подойдя к Курукшестре, видят вдовы царей братьев, отцов, сыновей
 и супругов мертвыми,
 и готовы пожрать их кровожадные твари, шакалы и вороны, ракшасы,
 бхуты и разная нечисть ночная.

С громкими воплями жены сошли с колесниц драгоценных,
 небывалое видя побоище, подобное игрищам Рудры.

Удрученные горем жены Бхаратов шли, о тела спотыкаясь.
 Упали на землю одни, потеряли сознание иные.

Велика была скорбь неутешная женщин из племени Куру и **Панчала.**
 Далеко разнеслись по округе их тоскливо-безумные крики.

¹ Перевод начинается с 4-го стиха 16-й главы.

И, глядя на страшное поле, где погибли сородичи Куру, дочь Субалы,
 обратилась к великому мужу, Лотосоокому Кришне, **обычай зная,**
 скорбное слово сказала:

— Мадхава лотосоокий! Взгляни, как невестки мои овдовевшие,
 разметав свои косы, кричат, словно ястребы!

То, собравшись толпой, вспоминают величайших из Бхаратов,
 то порознь кидаются к трупам отцов, сыновей и супругов.

Смотри, Всемогуций! Вот матери доблестных воинов, но нет уж у них
 сыновей,
 Вот жены великих героев, но нет уж у них повелителей!

Красуется поле мужами-тиграми, как огни полыхают там
 Бхишма и Карна, Абхиманью и Дрона, Друпادا и Шалья.

Разукрашено поле самоцветами дивными, золотыми доспехами
 великих воителей, сверкают запястья, тнары и поручи...

Но руки воителей мечи уронили, и стрелы, и луки, и крепкие палицы.
 И сбежались на поле несметными стадами кровожадные хищники, —

Где лягут, где встанут, где игры заводят...
 Воин великий Джанардана!

Вот оно, поле сраженья! Я как взгляну на него, жжет меня горе огнем.
 С гибелью воинов Куру и Панчала мысленно вижу гибель Вселенной.

Видишь, как птицы с могучими крыльями, брызгая кровью, терзают убитых,
 как тысячи коршунов, вцепившись когтями, их пожирают!

Кто б мог подумать о гибели Карны, Джаядратхи и Бхишмы,
 Абхиманью и Дроны?
 Непобедимых я вижу убитыми. Пируют над ними шакалы и псы,
 коршуны, цапли и соколы.

Как огни догоревшие — эти войны-тигры, обуянные гневом,
 вступившие в битву по воле Дурьодханы;

были привычны им мягкие ложа, а теперь опочили на земле
непокрытой.

Бывало, в их честь раздавались хвалебные песни сказителей,
теперь они внемлют шакалам, их зловещему, страшному вою.

Те герои, что раньше на ложах покоились, кого прославляли,
умащали сандалом, осыпали алоэ, теперь неподвижно простерты
в пылях.

Ныне их украшения — коршуны, волки, вороны зловещие, страшные;
терзая убитых, они подают голоса все чаще и чаще.

Словно живые и полные радости, упоенные битвой, сжимают герои
мечи закаленные, острые стрелы, могучие палицы.

Много их полегло, мужей в золотых ожерельях, подобных могучим
быкам,
и кровожадным зверьем их много растерзано, воинов статных.

Руками могучими, как засовы железные, одни из героев, обняв
свои палицы, склонились к ним лицами, словно к возлюбленным.

Тех, кто в кольчугах, с мечами блестящими, не оскверняют
дикие звери, думая в страхе: «они ведь живые».

Рассыпаны всюду золотые подвески от ожерелий великих мужей,
тех, что растерзаны хищными тварями.

Это свирепые волки, набросившись стаями,
рвали жгуты золотые на шеях убитых.

Бывало, с утра и до ночи воспевали героев певцы,
искусно слагая им гимны и песни.

Теперь причитают над ними прекрасные жены, горюя,
жалобно плачут в печали-тоске безутешной, о тигр из племени **Вриши!**

Уста их влекущие, словно лотосы алые, теперь пересохли
от жалоб, о Кешава!

Вот на миг перестали рыдать. В раздумье глубоком
с подружками поле обходят страдальцы.

Их лица, подобные солнцу и золоту,
словно медь, потемнели от гнева и слез.

В общем вопле невнятном, что слышен вокруг,
причитаний друг друга они различать уж не могут.

Тяжко вздыхают и плачут опять жены погибших героев,
сраженные горем, иные лишаются чувств.

Многие, глядя на трупы, кричат и рыдают, а другие
по головам себя бьют иступленно нежными дланями.

Покрытая грудami рук, и голов, и кусками изрубленных тел
блещет нарядом земля эта тучная.

Отсеченные головы, трупы безглавые, хоть и радуют страшного Рудру,
но при взгляде на них цепенеют от ужаса жены — не под стать им
подобное зрелище.

Обезумев от горя, хватают они эти головы мертвые и, прилагая к телам,
«Нет, не он это», — тихо бормочут несчастные.

И, по кускам собирая руки, и ноги, и бедра, раздробленные стрелами,
одна за другою теряют сознание и силы.

Иные, увидев останки, что обглоданы хищными тварями,
не могут супругов своих опознать.

А другие по голове себя бьют иступленно,
видя братьев, отцов, сыновей и супругов, врагами сраженных.

Земля, обогренная кровью, непроходимая стала от рук меченосных
и серьгами украшенных мертвых голов.

И, глядя на землю, что приносит богатство, а ныне покрыта телами
родных,
в беспредельную скорбь погружаются жены, не знавшие горестей раньше.

Смотри же, Джанардана! Как табуны кобылиц пышногривых,
здесь толпятся невестки царя Дхритараштры!

Что может быть горестней мне, чем вид этих жен
неподобный, о Кешава!

Видно, я согрешила в рожденьях прежних, что довелось мне увидеть
убитыми братьев, и внуков, и сыновей своих, Кешава!

Так причитая, Гандхари печальная убитого сына увидела.

II

[Глава 17].

Узнала Дурьодхану мать и, поникнув от скорби, на землю упала,
как платан, что в лесу подрубили.

Опомнившись, стала она сокрушаться над телом,
в крови неподвижно лежащим.

Обняла его с жалобным криком: «Ох ты сын мой, сынок!» —
причитала царица, тоскою-печалью терзаясь.

Сына широкую мощную грудь, в золотом ожерелье,
орошала слезами, от горя сгорая.

И рядом стоящему Кришне слово такое сказала:
«Накануне сраженья и гибели нашего рода, о Светоносный,

Смирненно ладони сложив, царь величайший ко мне обратился:
„В этой распри всеобщей родов, предскажи мне победу, матушка
милая!“

А я, уже зная, что идет к нам беда, такими словами ответила:
„Где справедливость, там и победа.

В битве ты не робеешь, сынок, несомненно достигнешь обители
воинов, павших в бою, и станешь бессмертным, могучий!“»

Так я сказала тогда. А теперь не о сыне я плачу, я скорблю
о несчастном царе Дхритараштре — все сыновья и родня его в битве
погибли.

Вгляни же, о Мадхава! Лучший из воинов, сын мой неистовый,
пылом сражений всегда упоенный, ныне на ложе героев покойся.

Тот победитель, что шел во главе посвященных на царство властителей,
ныне во прахе лежит и в пыли. Ты видишь, как время изменчиво!

Поистине, смелый Дурьодхана нелегкий избрал себе путь
и лег теперь навзничь на ложе, уготованном только героям.

Бывало, прекрасные жены, его веселя, услаждали, а ныне,
убитый, лежит на земле, и над ним кружит коршунов стая.

Юные девы когда-то склоняли к нему опахала бесценные,
теперь же злоеющие птицы его обвевают крылами.

Вот истинный воин покойся, могущественный и всесильный,
Бхимасеной убитый, как слон в битве со львом побежденный.

Посмотри на Дурьодхану, Кришна! Он лежит окровавленный,
Бхимасена сразил его палицей.

Десять ратей, да с ними еще одну бросил в битву всесильный Дурьодхана,
но делами неправыми, Кешава, он погибель свою подготовил.

Вот славный воитель покойся, луконосец великий Дурьодхана,
Бхимасеной убитый, как тигр, в битве со львом побежденный.

Не послушался Видуры и отца, не послушался, неразумный, злосчастный!
Старцам внять не хотел он и на смерть пошел безрассудно.

Тот, кто правил страной безраздельно, кем держалась земля
столько лет,
повелитель народа и сын мой, убитый, ныне во прахе лежит.

Ведь недавно я видела, Кришна, как при власти Дурьодханы,
много было в стране и слонов, и быков, и коней.

А теперь, о Варшней, я вижу, как правит землею другой,
и в стране уж не стало ни слонов, ни быков, ни коней. Мне и жизнь
не мила теперь, Мадхава!

Смотри: еще горше, чем сына погибель, видеть мне этих жен,
что окружили убитых героев.

Вглянись же, о Кришна! Вот Лакшманы мать, Дурьодханы спутница
милая,
широкобедрая, стройная, как священный алтарь золотой, стоит,
разметав свои косы.

А ведь некогда эта жена, разумница юная, когда царь всемогущий
был жив,
находила усладу в объятьях супруга любимого.

Ах, зачем мое сердце на сотни кусков не разбилось, когда я
увидела сына и внука сраженными в битве!

Широкобедрая и безупречная Лакшманы мать то сына целует,
покрытого кровью,
то гладит рукой мертвое тело супруга.

И о муже скорбит, многодумная, и о сыне тоскует,
на Дурьодхану смотрит, приблизившись, и на Лакшману взор
устремляет.

Бьет руками по голове себя и на тело героя —
владельца Куру — в отчаянье падает, Мадхава!

Трепещет и сверкая, как тычинки раскрытого лотоса, вся она,
как цветок его белый. Многострадальная гладит рукой лица супруга
и сына, о Мадхава!

Если истинны Веды священные, если истинны к ним толкования,
на небе Дурьодхана ныне, среди воинов, в битве погибших.